

ется большая эффективность управления и укрепление демократических начал. Характерно, что при образовании Европейского союза в него входило всего 14 автономных внутригосударственных единиц, а в 90-х годах их было уже более 70.

Хотелось бы надеяться, что демократизация, с трудом прокладывая себе путь в Грузии, создаст предпосылки для мирного урегулирования абхазского конфликта. Демократия создает условия и предлагает инструменты, способствующие проявлению гибкости и эволюции позиций сторон даже при существовании глубоких этнических противоречий. В современных цивилизованных обществах демократические механизмы признаны безальтернативными в вопросах справедливого и устойчивого управления конфликтами, а ценности и нормы демократии, культура компромиссов и осуждение насилия побуждают стороны к поиску взаимоприемлемых решений.

ВЫБОР АБХАЗИИ

Лейла ТАНИЯ

кандидат биологических наук,

с 1994-го по 1998 год — руководитель Информационно-аналитического отдела Администрации президента Абхазии.

В настоящее время — директор исследовательских программ неправительственной организации

«Фонд «Гражданская инициатива и человек будущего», преподаватель Абхазского государственного университета

Едва оправившись после войны с Грузией, Абхазия, как и большинство постсоветских стран, встала перед нелегким и, вероятно, судьбоносным историческим выбором долгосрочной стратегии государственного развития. Общее тоталитарное прошлое сближает социально-политические процессы на всем постсоветском пространстве, однако в Абхазии наряду со сходными в этом аспекте проблемами существуют и специфические. Прежде всего имеется в виду изоляционный, по существу блокадный режим на ее северной и южной границах, препятствующий свобод-

ному экономическому и культурно-политическому развитию. Это обстоятельство в значительной мере предопределяет тот факт, что республика по-прежнему остается провинциально-периферийным уголком бывшего СССР.

Между тем глобальные вызовы современности, прежде всего на уровне макроинтеграционных процессов, требуют быстрых и эффективных решений, направленных на сохранение и дальнейшее подключение к этим процессам молодого абхазского государства.

Конституционный опыт и нынешние реалии

Конституция 1994-го и референдум 1999 года определили общие ориентиры развития абхазской государственности — демократию и независимость. С формальной точки зрения, казалось бы, все ясно, но вопрос в том, каково конкретное, реальное содержание абхазской

демократии и абхазской независимости, ибо в мире существуют самые разные модели, в том числе и совершенно неприемлемые или нежелательные для нашей республики.

Споры о том, какие типы демократии и соответственно формы государственного правления эффективнее, и по сей день не утихают даже в странах-«законодателях» демократии: в США и в государствах Западной Европы. Более того, западные демократии подвергаются серьезной критике со стороны исламских и азиатских экспертов, один из аргументов которых, в частности, сводится к тому, что «права человека в соответствии с Кораном теоцентричны в противоположность западной точке зрения, предполагающей антропоцентричность»¹.

Ясно, что при выборе новыми государствами той или иной модели демократии должен учитываться целый ряд параметров: традиционная культура, в том числе особенности традиционного (обычного) права и ментальности народа, социально-экономические, географические, геополитические и цивилизационные факторы. Ясно и то, что для этого нужна определенная компетенция структур и личностей, принимающих решения, от которых по большому счету зависит перспектива выживания и сохранения государства. В условиях Абхазии, где нет специальных институтов и даже комиссий, разрабатывающих подобные вопросы стратегического характера, минимальная компетентность может быть достигнута, например, с помощью специального Совета экспертов национального и международного уровней. При очень низком уровне правовой, политической и в целом гражданской культуры общества вряд ли есть смысл устраивать широкое обсуждение столь специфических вопросов или тем более выносить их на референдум (что не так давно было сделано по вопросу статуса судей).

Мировое сообщество накопило достаточно разнообразный опыт конституционного устройства, которым в той или иной степени воспользовались все посттоталитарные государства. По мнению известного американского политолога Аренда Лейпхарта, «две основополагающие альтернативы, перед которыми оказываются творцы новых конституций, — это, во-первых, выбор между избирательными системами, основанными, соответственно, на принципе большинства и на принципе пропорционального представительства, и, во-вторых, между парламентской и президентской формами правления»². В зависимости от выбранной альтернативы утверждается либо мажоритарная модель демократии, либо консенсусная модель. Характерными чертами первой являются чаще всего выборы по принципу большинства, как правило, двухпартийные политические системы, однопартийные кабинеты, доминирующее положение исполнительной власти по отношению к законодательной. Для консенсусной модели характерны выборы по принципу пропорционального представительства, чаще многопартийные системы и коалиционные правительства, более сбалансированное соотношение исполнительной и законодательной властей. Яркий пример мажоритарной модели — США, а консенсусной — государства Западной Европы: Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Германия, Нидерланды, Норвегия, Швеция и до 1995 года Италия. В других странах выборы по принципу большинства сочетались с парламентской или с президентской формой правления.

Сравнительный анализ «качества» демократий в зависимости от их типа приводит исследователей к противоположным выводам. С точки зрения одних, предпочтительнее выглядит мажоритарная модель, так как она обеспечивает твердость, последовательность и эффективность при проведении политики, а также быстрое принятие решений. Сторонники консенсусной модели указывают на ее преимущества для полиэтничных сообществ, а также на большие возможности в сфере взаимоотношений исполнительной и законодательной властей и соответственно в достижении стабильности общества. Аренд Лейпхарт, будучи американцем и при этом сторонником консенсусной модели, отмечает и следующий момент: «Президентские системы... сосредоточивают такую власть не просто в руках одной-единственной партии, но в руках одного-единственного лица»³.

¹ Абазов Р.Ф. Переосмысление прав человека // Полис, 1995, № 2. С. 185.

² Лейпхарт Аренд. Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис, 1995, № 2. С. 136.

³ Лейпхарт Аренд. Указ. соч. С. 137.

Многие государства создали системы, сочетающие элементы разных типов демократий. Например, при построении ее мажоритарной модели в России использовались возможности коалиционных правительств (кабинет Примакова). Думается, что специфичные черты абхазской ментальности, как в целом политической предыстории и нынешней реальности Абхазии, требуют неоднозначных решений, носящих адаптационный характер и уж во всяком случае исключающих механическое перенесение опыта даже самых процветающих демократий при построении абхазской государственности.

Если говорить не только о структурном, но и об идейно-содержательном аспекте концепций государственного развития, то можно выделить, в частности, две их достаточно распространенные формы: этноцентристские и институциональные. Первые часто носят характер харизматической национальной идеи и во главу угла ставят, прежде всего, интересы государства как целого. В качестве примера здесь можно привести так называемую «Русскую идею», родившуюся еще в XIX в., несколько модифицированную советской идеологией и вновь звучащую сейчас в дискуссиях по поводу применимости опыта Запада в связи с особой ролью (державностью) России в мире и особым путем ее развития. Идея построения государства евреев Израиля также в значительной степени несла в себе этноцентрический потенциал. В определенном смысле государственная доктрина США, особенно в аспекте ее практической реализации, базируется на приоритете военно-политической мощи государства и его доминирующего геополитического влияния в мире.

Институциональные концепции государства, как правило, более рациональны, сбалансированы, рассматривают в качестве приоритета интересы свободных индивидуумов, а также институциональные механизмы их реализации и защиты и только затем вопросы коллективного и в целом государственного масштаба. Большинство западноевропейских государств, придерживающихся консенсусной модели демократии, используют подобные концепции, что, вероятно, не в последнюю очередь предопределяет их социально ориентированный характер.

Перспективы развития

В свете вышеизложенного очевидно, что цивилизационные и специфические социально-политические реалии сегодняшней Абхазии, равно как и историческая традиция, обуславливают невозможность простого копирования идей и принципов западной, российской или какой-либо еще модели государственного обустройства. В то же время нельзя игнорировать уже известные уроки и международные прецеденты. Возможно, что наиболее оптимальным подходом могло бы стать сочетание различных проверенных моделей со специфическими нововведениями в республике.

Некоторые характеристики традиционной культуры и правосознания абхазов свидетельствуют об определенных аналогиях с развитием институтов европейского гражданского общества. Несмотря на деформирующее влияние советской тоталитарной системы, ключевые индикаторы абхазской ментальности, в том числе в сфере общественных отношений, были сохранены. Как известно, традиционная абхазская, как и в целом кавказская, культура определяется прежде всего как культура воинская, то есть в значительной степени коллективистская. Поэтому для абхазов всегда были чрезвычайно значимыми ценности национальной (коллективной) свободы и независимости, сохраняющие свое объединяющее значение и сейчас.

Как показывают многие исследования, на фоне идеологической дезориентации, свойственной многим народам на переломе систем и эпох, государственная независимость остается в Абхазии практически единственной реально консолидирующей идеей. В то же время все более очевидной становится недостаточность простой декларации независимости без соответствующего всеобъемлющего институционального подкрепления в целях построения полноценного демократического государства, одним из важнейших атрибутов которого явля-

ется определенный уровень правосознания — как власти, так и всего общества в целом. Традиционная абхазская культура в этом контексте может трактоваться и как культура индивидуалистическая — в смысле значимости ценностей индивидуальной свободы и прав человека. Неслучайно, понятия личной (как, впрочем, и семейной) чести настолько важны для абхазов, что вырабатываются не только индивидуальные, но и коллективные механизмы ее соблюдения и защиты. Даже в советский период тоталитарное законодательство играло второстепенную роль или вообще не принималось в расчет по сравнению с нормами традиционного правосознания.

Европейское правосознание также исходит из приоритетности соблюдения и защиты прав человека в демократическом государстве. Развитые традиции европейского парламентаризма и народного волеизъявления вполне сопоставимы с традиционными абхазскими способами принятия коллективных решений, особенно если речь идет о вопросах чрезвычайной государственной важности (всеобщие народные, семейные, родовые и другие сходы). Современные западные технологии разрешения разноуровневых конфликтов имеют много общего с традициями предотвращения и урегулирования споров в исторически сложившейся абхазской культуре. Таким образом, даже самый поверхностный взгляд обнаруживает многочисленные параллели в развитии европейской мысли и общественного сознания с веками наработанными уроками кавказской, в том числе абхазской, культуры. Это обстоятельство, как и некоторые другие, позволяет оптимистически воспринимать перспективу интеграции Абхазии и всего Кавказа в общеевропейское демократическое пространство.

Однако наличие благоприятных предварительных условий не может быть гарантом успешности и эффективности демократических реформ в Абхазии, если ее не поддержит международное сообщество. В настоящее время, по мнению многих исследователей, оно, как правило, склонно оказывать предпочтение личностям лидеров и отдельным (марионеточным) государствам под лозунгом поддержки демократии (Грузия), вместо того чтобы поддерживать демократические процессы на всем, в данном случае кавказском пространстве, в том числе и в Абхазии. Но есть и красноречивый пример устойчивости послефашистских западноевропейских демократий, когда США сделали ставку не на отдельные марионеточные режимы и их лидеров, а поддержали естественные демократические процессы, основанные на волеизъявлении самих народов⁴. В этом плане поддержка демократии в Абхазии столь же необходима, как и на всем кавказском пространстве, если долгосрочная цель — построение устойчивых кавказских демократий и стабильность всего региона.

Прогноз развития ситуации

Как показывает опыт многих стран, рыночные реформы и в целом эффективность экономики не всегда и не обязательно могут служить гарантом демократии в обществе. Поэтому апелляции к тяжелому, сложившемуся по объективным причинам, положению в экономике Абхазии неубедительны. Во-первых, экономические проблемы носят не только и не столько объективный, сколько субъективный характер. Во-вторых, строительство гражданского общества как атрибута демократии это, прежде всего, формирование соответствующих общественных и гражданских институтов, не имеющих столь прямолинейной связи с экономической ситуацией. Кстати, пример Абхазии убедительно доказывает последнее утверждение, поскольку общественные и неправительственные ассоциации, как и гражданские инициативы, возникают в республике не благодаря, а вопреки внутренней и внешнеполитической ситуации.

Рассматривая общую ситуацию (с целью ее возможного прогнозирования), хотелось бы остановиться на некоторых особенностях текущего момента.

⁴ См.: Маркин С. «Казахстанская политика» Вашингтонской администрации // Центральная Азия и Кавказ, 2000, № 2 (8). С. 80.

Идейно-ценностный кризис, охвативший практически все сферы жизни и характерный для большинства постсоветских государств, все еще не определившихся в выборе окончательной стратегии, становится все более широко обсуждаемой проблемой. Это обсуждение постепенно приобретает черты внутренней дискуссии, присущей открытым обществам. Появление и растущая популярность независимой прессы (отчасти благодаря периодическим «наездам» власти на нее), как и первого официального оппозиционного общественно-политического движения «Возрождение», укрепляет в обществе позиции плюрализма, в том числе политического. Особую, причем все более заметную, роль начинают играть негосударственные организации нового поколения, популяризирующие идеи гражданского общества.

В то же время укрепляются авторитарные тенденции со стороны власти, распространяется авторитарно-конфронтационное массовое сознание. По всей видимости, последнее обстоятельство можно отчасти объяснить, с одной стороны, социально-психологическим наследием тоталитаризма, а с другой — культурно-информационной изоляцией Абхазии. Показательна в этом плане характеристика российского постсоветского общественного сознания, а именно то, как «сочетается несочетаемое — ориентация на авторитаризм (будь то социалистический или капиталистический) с ориентацией на демократию»⁵. Специфические черты постсоветского, в данном случае абхазского, общественного сознания (его конфронтационность) в значительной степени предопределили слабость или практическое отсутствие центристских сил. Между тем их востребованность не вызывает сомнений, особенно на фоне форсированной социально-имущественной и политической поляризации, сопровождающейся формированием новых, по меньшей мере разнонаправленных групповых интересов в обществе.

Не претендуя на всеобъемлющий анализ и стремясь к объективности, попытаемся выделить явления, имеющие с точки зрения развития демократии позитивное или негативное значение.

ПОЗИТИВ	НЕГАТИВ
Референдум 1999 г., провозглашение Акта государственной независимости Абхазии	Отсутствие последовательной внутри- и внешнеполитической государственной концепции
Формирование институтов гражданского общества (неправительственные организации, Национальная комиссия по правам человека)	Отсутствие необходимых полномочий и общественно-политической активности представительских структур (парламента, местных органов самоуправления и т.д.)
Независимая пресса	Высокая степень государственного монополизма в экономике и общественном секторе
Зачатки плюрализма	Авторитарные тенденции в управлении
Наличие политической оппозиции	Консерватизм и бюрократизм власти
Попытки диалога между властью и оппозицией («круглый стол», конференция)	Социальная гиперполяризация общества
Отсутствие политических заключенных	Коррупция, клановость
Отсутствие военных действий	Преступность, криминализация общества

⁵ Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. Между авторитаризмом и демократией // Полис, 1995, № 2. С. 61.

Поиски передовой частью общества современных консолидационных механизмов	Эмиграция интеллектуальной элиты
	Политическая эмиграция
	Постепенная девальвация на внешне-политической арене достижений Национально-освободительной войны 1992—1993 гг.
	Регулярные человеческие потери в Гальском районе
	Идейно-ценностный кризис в обществе

Не имея возможности в данном формате более подробно осветить все вышеуказанные моменты, остановимся на социальной гиперполяризации общества. Во многих странах она рассматривается как фактор, требующий постоянной корректировки со стороны государства. О масштабе государственной помощи бедным говорят следующие цифры: в 1995 году доход 20% наименее обеспеченных американцев (без учета трансфертов и пособий) составлял лишь 0,8% распределяемого национального дохода, а с учетом таковых достигал 5,2%⁶. Подход к проблеме сбалансированного распределения национального дохода в Абхазии, особенно на фоне крайне низкого уровня социальной защиты со стороны государства и в связи с возможными способами грядущей приватизации, вызывает немало критических замечаний в адрес власти.

С другой стороны, сама власть должна быть заинтересована в создании довольно значительного по численности класса собственников в Абхазии, что послужит, во-первых, оптимизации экономики и, во-вторых, предотвращению социальной напряженности в обществе. Достижение социального консенсуса, помимо продуманной экономической политики, требует выработки гибких и адекватных технологий со стороны власти для регуляции взаимоотношений между различными группами интересов, в том числе этнических, экономических и политических. Вероятно, здесь могут быть использованы возможности коалиционных правительств или специфических медиаторных структур.

Представляя возможные пути дальнейшего развития ситуации в Абхазии, можно рассмотреть три варианта сценариев.

Вариант № 1: «реформа сверху»

Опираясь на все еще высокий личный авторитет в массах, «просвещенный монарх» Владислав Ардзинба осуществляет коренное реформирование всей системы государственного управления. Основными принципами становятся коллегиальность, сотрудничество разных групп интересов общества и открытость. Три ветви власти обладают независимостью де-факто; парламент становится органом реальной власти, заключающейся, как и в большинстве демократических стран, не только и, главное, не столько в законотворческой академической деятельности, сколько в реальном влиянии на ситуацию в республике. Кстати, во многих европейских государствах, например в Германии, только 20% законов, а в других странах и того меньше, иницируются парламентом. Подавляющее же большинство законов иницирует и разрабатывает исполнительная власть. Создаются равные экономические возможности для предпринимательства и производственной деятельности; объявляется война

⁶ См.: Иноземцев В.Л. Классовый аспект бедности в постиндустриальных обществах // Социс, 2000, № 8. С. 20.

коррупции и клановости. Укрывательство от налогообложения, обкрадывание казны, разбазаривание (раздаривание) государственной собственности караются законом, перед которым все равны. Совершенствуются институты гражданского общества, оно обладает реальными механизмами контроля над властными структурами. Авторитаризм как способ управления обществом заменяется переговорной тактикой.

Внешняя политика приобретает современные черты многовекторности, укрепляются диаспоральные связи: абхазы со всех уголков мира работают на общую цель — развитие Абхазского государства и его международное признание. И т.д. и т.п. Данный сценарий предполагает, что президент добровольно делится неограниченной властью (т.е. ограничивает свои полномочия) и, следовательно, ответственностью за все происходящее в стране.

Вариант № 2: «осажденная крепость»

Для того чтобы представить дальнейшее развитие ситуации по этому сценарию, достаточно прочитать знаменитую работу Питирима Сорокина «Горькая жатва Марса». Применительно к ситуации в Абхазии ее можно дополнить «незначительными» деталями: закрывают независимые СМИ, репрессиируют всех инакомыслящих, и тем более представителей оппозиции, эмигрирует экономическая, интеллектуальная, молодежная элита. В стране царствует режим, сочетающий криминально-бюрократические характеристики. Экономическая жизнь почти полностью сводится к натуральному хозяйствованию. Основной идеей государства становится «образ врага»: внутреннего и внешнего. Судьба государства и самого народа, в значительной степени деморализованного изоляцией и криминализацией общества, оказывается практически полностью во власти заинтересованных стран. Вполне возможно его сохранение в качестве марионеточного государства, геополитического «футбольного мяча», постоянно угрожающего стабильности в регионе, или «международного изгоя».

Вариант № 3: «демократизация по-абхазски»

Наиболее вероятный и, быть может, не самый худший сценарий из множества допустимых. Он характеризуется медленным развитием демократических институтов, что обусловлено, в частности, следующими причинами: значительным перевесом авторитарно-номенклатурных сил; отсутствием серьезной поддержки новых идей и принципов в широких массах; разобщенностью, а иногда и конъюнктурностью гражданского сектора; отсутствием финансовой базы у оппозиционных движений и, соответственно, необходимых возможностей в конкуренции с властью за электорат. К этому следует добавить: пассивность, осторожность, а иногда и недоверие интеллигенции к новым, демократического направления движениям и их лидерам; отсутствие необходимой поддержки демократизации республики со стороны международного сообщества.

По всей вероятности, экономическое развитие в ближайшей перспективе будет отставать от развития общественных гражданских институтов. Во внутривластной жизни — по мере того как будут сменяться поколения правящих элит — скорее всего, возобладают тенденции цивилизованного сосуществования власти и оппозиции, возможно, не без помощи специфических медиаторных механизмов или коалиционных институтов.

И во внешней политике смена поколений политиков, вероятно, приведет к смене традиционных геополитических стереотипов, что также предопределится наметившимися тенденциями в массовом сознании населения. Возможно, внешняя политика будет многополюсной и более сбалансированной в выборе приоритетов. Абхазская диаспора за рубежом станет серьезным фактором, влияющим на происходящие в республике процессы. Вероятна также репатриация абхазов, потомков махаджиров, вследствие осознанной, практически единствен-

ной возможности сохранения и возрождения абхазского этноса как такового, а также понимания целесообразности этого процесса с точки зрения как узко прагматических, так и глобальных интересов международного сообщества (этот вопрос требует специального рассмотрения).

По мере того как будет укрепляться имидж демократической Абхазии, она сможет обрести свое собственное лицо и место в современной геополитической картине мира.